

Андрей Панин

Дорога обратно

18+

Андрей Ланиус
Дорога обратно

«Автор»

2026

Ланиус А.

Дорога обратно / А. Ланиус — «Автор», 2026

Про человека, который всегда сомневается... натура у него такая... работа тоже...

© Ланиус А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Письмо	5
Глава 2 Суть дела	7
Глава 3 Неожиданный визит	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Андрей Ланиус

Дорога обратно

Глава 1 Письмо

Под утро, часа в четыре, Шпагин проснулся от ощущения удушья – он набирал полную грудь воздуха, старался втянуть его в себя как можно глубже, и с ужасом чувствовал, что воздуха все равно не хватает – он задыхался.

Протянул руку, хотел включить лампу, нащупал вместо нее рюкзак, все вспомнил и облегченно подумал: высокогорная станция, высота четыре пятьсот, ведь предупреждали.

Осторожно, чтобы не потревожить соседей, вылез из спальника, надел обувь, ощупью стал пробираться к выходу из деревянного сборного домика. Нашел в темноте дверь, откинул крючок, стал спускаться на короткой дощатой лесенке, и вдруг застыл ошеломленный: в черном, абсолютно черном небе висели невиданные звезды висели невиданные звезды – огромные, тяжелые, словно набухшие светом, они висели над самой головой, казалось – протяни руку и срывавай звезды целыми гроздьями. А через все небо, от одного края до другого, лилась световая река. Лилась, переливалась, таинственно мерцала, уходила за гребни гор и там терялась в туманной дали. «Снится мне всё это, что ли? Ведь не бывает такого на самом деле!»

Он с силой потер, помотав головой, но небо – невиданное доселе, чудовищно-прекрасное, дух захватывающее – осталось таким же.

«Боже мой, – подумал Шпагин, – такая невероятная неизбывная красота, такая высота и чистота, и здесь, под этими звездами, может твориться зло?!»

Он постоял немного на каменистом взгорбке не в силах оторвать взгляд от удивительной картины, раскинувшейся перед ним, потом прошел дальше к самому краю морены, за которым начинался спуск и обрыв, а там дальше, под звездным светом, видна была серя лента ледника. Снова отражение небесного Млечного пути она тоже текла незаметно глазу – по четыре-пять сантиметров в час, и в отличие от той, небесной реки была почему-то грязно-серого цвета. Еще одно потрясение, которое испытал Шпагин вчера днем, когда прилетел сюда на вертолете, и его подвели к краю морены, чтобы показать дневник. – всю жизнь он считал, что ледники ослепительно белые. Но вот оказалось, что даже здесь, на высоте около пяти тысяч метров, снег и лед постепенно темнеют.

Он стоял на изрезанном, ноздреватом, словно губка, краю обрыва и всматривался туда, на высоте четырех с половиной тысяч метров должен находиться человек, из-за которого Шпагин проделал весь этот длинный извилистый путь – сначала пешком, потом на поезде и, наконец, на вертолете, который перебросил его сюда из Айбулака.

Путь был длинный не только потому, что пришлось преодолеть перевалы и ущелья, подъемы и спуски, километры и целые горные хребты. Это было еще полбеды. Преодолеть надо было нечто гораздо более трудное: нагромождение лжи и путаницы фактов. И если сейчас он стоит здесь, то лишь потому, что прошел почти по всей извилистой цепочке, прошел от самого начала, а когда начинал, и представить себе не мог, что приведет она его сюда, в эту горную котловину под самым небом, где расположилась эта единственная в своем роде станция по изучению ледника и где предстоит ему, наконец, встретиться лицом к лицу с человеком все линии его поиска.

Замыкались?! Или рассыпались?! Это покажет завтрашний день.

С чего все началось? Впоследствии Шпагин несколько раз возвращался мысленно к этому моменту, и каждый раз почему-то всплывало другое: то это было письмо, которое задело, взволновало чем-то; то ему казалось, что все началось с вопроса дочери – она прочитала фан-

тастический рассказ и стала спрашивать, может ли так быть; а однажды ему подумалось, что во всем была виновата погода: в тот день дул влажный северо-западный вечер – такая редкость в Средней Азии. Он гнал раскинутые косматые тучи, казалось дышал соленой волной, океанскими просторами., Шпагин ходил по улицам, как пьяный, не мог надышаться, вспомнил свое приморское детство, шестнадцатую станцию, все, что было тогда. Пришел домой, а тут со своими вопросами, и среди других писем вот это письмо.

Внешне спокойное, ровное, с тщательно подобранными и подогнанными друг к другу словами, оно кричало где-то там, глубоко внутри, кричало старой, давно ставшей привычной, и в то же время не проходящей болью.

« Уважаемый Ким Шпагин!

Простите, что обращаюсь к Вам так, но не знаю Вашего отчества, я не нашла его нигде. Прочитала Вашу последнюю статью, узнала, что Вы юрист и всю жизнь занимаетесь вопросами воспитания молодежи, и я решила Вам написать в надежде, что может быть Вы мне можете, хотя до сих пор никто мне помочь не мог.

Я уж совсем было смирилась со своей бедой, совсем было руки опустила, потеряла надежду. Но сердце не камень, тем более сердце матери. Оно цепляется за каждую соломинку, за малейший проблеск. И вот прочитала Вашу статью, и что-то встрепенулось в измученной, изверившейся душе, что-то мелькнуло такое, что заставило меня взяться за перо и писать Вам. И дело не в тех фактах, которые Вы приводите, и даже не в тех мыслях, которые Вы высказываете, а в чем-то другом. Может быть в том, как Вы об этом говорите, с какой болью, с каким пониманием. Чувствуется, что Вам самому много пришлось пережить, и детство у Вас было тяжелое – это всегда чувствуется. Детскую обиду, юношескую ошибку Вы ощущаете всем сердцем, человек Вы неравнодушный, мимо чужой беды не пройдете – вот почему я решила Вам написать.

И дальше шла история ее сына, история странная, загадочная, фантастическая, во многом даже противоречивая. было тяжелое -еже не в тех мыслях, которые Вы высказываете, а в чем-то другом. аставило меня

Глава 2 Суть дела

Он заканчивал десятый класс, учился хорошо, был веселым общительным, открытым парнем. Она жила в небольшом горном городке Айбулак, здесь была перевалочная база вертолетов, совершающих рейсы на высокогорные станции. Олег и его друзья еще с детства привыкли к вертолетам, подружились с летчиками, геологами, метеорологами и каждый по своему мечтал о будущем: Олег мечтал поступить в летное училище, водить вертолеты в горы, его друг Игорь хотел стать метеорологом, третий товарищ – Павел интересовался геологией.

Была в классе чудесная девушка Наташа, с которой все трое дружили с детства, но, судя по всему, у Олега к ней было особое чувство, и, похоже, она отвечала ему взаимностью.

К девятому классу Наташа увлеклась театральной студией при Дворце культуры большого горного института – главного предприятия городка. Руководил студией опытный театральный деятель, которого недавно прислали в Дворец культуры. Он сумел создать хороший коллектив и туда потянулись многие, даже Павел пошел тоже. Но все это не мешало им дружить по-прежнему до одного странного случая.

Сначала на двое суток исчезла Наташа. Никто не знал, где она, но Павел вроде бы сообщил ее отцу, мастеру комбината, что она полетела на Ледник, просила не беспокоиться. Действительно, через два дня она появилась в городке, и отец ее, человек крутой, чуть не избил ее, так говорили. Но прошло несколько дней, поговорили, поговорили и все успокоились, пошло своим чередом. А через два месяца вдруг исчезли все трое – Олег, Игорь и Павел. Никто не знал, где они, стали искать, и тут тетка Павла, живущая в совхозе, сказала, что лн просил на два дня лошадь. Кто-то сказал, что они втроем решили дойти до Ледника, найти там одного человека. Срочно снарядили спасательную экспедицию – Игоря и Павла нашли в горах, они попали в ливень, были в тяжелом состоянии. От них узнали, что Олег пошел дальше, к Леднику.

Привез Олега на вертолете через дня четыре начальник горной станции Денис Оленин, то самый с которым летела на Ледник Наташа. Денис о чем-то поговорил с Наташей и улетел обратно.

А Олег, после того как пришел в себя, пошел во дворец, в студию, чтобы поговорить с Наташей. О чем они говорили, никто не знает, она вышла из зала к нему в вестибюль. Известно только, что она сказала ему что-то оскорбительное, а он, не помня себя, ударил ее, она упала, и, падая ударила головой о колонну.

Девушку увезли в больницу.

Олега судили за хулиганство.

И хотя школьные учителя и руководитель театральной студии Эдуард Витальевич говорили об Олеге очень хорошо, характеризовали с лучшей стороны, всячески пытались спасти его от наказания, объясняли, что он ударил девушку в момент помутнения рассудка, потеряв контроль над собой, ничего не помогло: ему дали год исправительных работ.

Мать надеялась, что он отбудет свой срок, отслужит в армии, и все забудется, вернется в свое русло: в конце концов ведь никто не погиб, все остались живы. Наташа поправилась, уехала в Москву поступать в театральный, Игорь и Павел поступили в институт. Больше всех пострадал в этой истории Олег, но время прошло и, смотришь, все может наладиться у него.

«Но как будто рок какой висел над ними, и, кажется, над всеми участниками этой истории» - писала мать Олега.

Олег отбыв срок в 1980 году, завербовался в геологическую партию, уехал куда-то на север, изредка присылает матери довольно большие суммы денег, или несколько слов телеграммой ко дню рождения. Писем он не писал. По слухам, много пил, опустился, семьи не завел, несколько раз попадал в неприятные истории с дракой, но до тюрьмы дело не доходило, как-то проносило.

Мать несколько раз ездила к нему, находил его в разных местах – то у геологов, то на рыбных промыслах, то на лесоповале.

И каждый раз ее встречал почти чужой человек с тяжелым лицом, с недобрым, временами, злобным взглядом.

В 1982 году он снова попал в колонию. Опять на год. На этот раз, по слухам, он получил какое-то письмо, страшно напился, учинил драку среди геологов. Пришлось вызывать милицию. Мать ездила к нему несколько раз, старалась как-то вернуть его к тому хорошему, что было в прошлом, она рассказывала ему о его детстве, о школьных годах, надеясь пробудить что-то в душе воспоминаниями, но от только с туповатой злобностью усмехался.

Однажды она не выдержала: « Уж лучше бы ты умер!»

И вот тогда в тот момент, в глазах его мелькнуло что-то совсем другое, глубоко затаенное, человеческое, и он сказал вдруг с глубокой тоской « Тебе недолго осталась ждать, мама!»

Слово «мама» он произнес с такой болью и нежностью, что « сердце у нее захолонуло», она хотела броситься к нему, обнять его, но в следующую секунду уже наткнулась на тот самый отчужденный, тяжелый, демонский взгляд. И отпрянула – перед ней снова был чужой человек.

« Я пишу Вам как психологу, как человеку, который много изломанных судеб видели жизни. Я не знаю, у меня нет доказательств, но сердце матери я чувствую – он носит маску. На какое-то мгновение выглянуло из него истинное, человеческое из него истинное, человеческое, что в нем живет где-то там, глубоко, под спудом, и тут е он снова закрывался своей маской беспробудного алкоголика.

Зачем он все это делает? Я не знаю. было тяжелое -еже не в тех мыслях, которые Вы высказываете, а в чем-то другом. аставило меня

Но мне кажется, он задумал что-то страшное.

Срок его скоро кончается, осталось два месяца, он должен выйти на свободу, и я боюсь, что он учинит что-то такое, что загубит окончательно и себя и, может быть, еще кого-то.

А ведь я знаю, что в душе этот хороший, светлый парень – во всяком случае он с детства был таким.

Я так надеялась, что могу вернуть его к жизни!

Помогите, если можете!»

Вот такое это было письмо.

Глава 3 Неожиданный визит

Шпагин, когда читал письмо, сидел у открытого окна, глядел, как вытягиваются по небу серые космы облаков, как тут же, на глазах, меняют они очертания, превращаются то в знакомые профили, то в чудовищные фигуры, а ветер трепал в его руках листки письма, вместившего столько боли, отчаяния и надежды.

Что он может ответить измученной матери?

Чем может помочь заблудшему сыну?

Если тот действительно спился, стал хроническим алкоголиком, то тут вряд ли сможешь. Но что-то настораживало, что-то непонятно тревожило в этом письме, какой-то намек, или даже не намек, а какая-то вроде бы вскользь прозвучавшая нота. Шпагин вчитывался вновь и вновь.

Ага, вот она, фраза, которая может быть ровным счетом ничего не значило, и в то же время почему-то задела.

Он написал ответ. Как можно более деликатно дал понять, что по происшествии столько многое может казаться не таким, каким было на самом деле. И, наоборот, кое-что может представить в искаженном виде сейчас.

Он просил: « Вы пишете « Как будто рок висел над ними и над всеми участками этой истории». Что вы имеете в виду?»

Она долго не отвечала. Шпагин уже стал забывать о письме, когда однажды в полдень в дверь позвонили.

На пороге стояла шупленькая женщина одетая несколько странно: не ней было цветастое, не по возрасту платье с вырезом на груди, желтые носки, красные босоножки. На шее – розовая шелковая косынка. А лицо – изможденное, изрезанное ранними морщинами, выцветшие, поблекшие голубые глаза, на лице смущенная, вымученная улыбка.

На руке у нее висел старомодный, пятидесятих годов, потертый ридикюль. В руках шелковый платок.

Своей улыбкой и неестественно оживленными глазами она пыталась произвести хорошее впечатление, но это, не по возрасту, одежда, вызывала некоторое чувство неловкости жалости.

- Простите меня, ради бога, Ким Павлович, - заговорила она подрагивающим от волнения голосом. – Я получила ваше письмо и решила, что будет лучше, если приеду и все расскажу сама.

Она стояла посреди комнаты, странная в своих желтых носках, со своим древним ридикюлем и платочком, который комкала в прыгающих пальцах, и его вдруг охватила невыразимая жалость, и мгновенная боль пронзила, ударила в сердце. Он вдруг понял, что это она, та самая страдавшаяся мать, у которой почему-то возникла необъяснимая, связанная с ним, со Шпагиным, надежда, и он, должен эту надежду поддержать, иначе жить этой женщине будет незачем.

- Вы ведь, где-то возле Актюбинска живете?

- Да, в двух часах езды до Актюбинска, но ничего страшного, я за полтора дня доехала поездом. Очень хорошо доехала!

Она говорила это так, что он понял с какой надеждой и, может даже радостью, она ехала сюда. И чем дальше ехать, тем легче становиться на душе: ведь всем этом ей виделось что-то такое, что может помочь ее сыну.

- Да, да – проговорил он торопливо, - садитесь, пожалуйста. Вы, наверно, прямо с поезда? Устали? Кофе? Хотите поесть?

Она отрицательно замотала головой.

Шпагин встал, пошел на кухню и минут через десять вкатил столик на колесиках.

Женщина сидела на стуле в той же самой позе, в какой он оставил ее: спина напряженно выпрямлена на колесах, лицо – застывшее, только глаза.

В них, сменяясь, мелькало так много всего, что Шпагин старался пока не встречаться с женщиной взглядом. Он расстелил салфетку, расставил бутерброды, поставил заварной чайник, пиалушки, кофейник, чашечки для кофе.

А женщина все так же безучастно сидела, опустив руки, разглаживая платок на коленях. Иногда она вскидывала страдальческие глаза на все эти приготовления и говорит едва слышно: « Ну, что вы! Ну, зачем все это!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.